

DISCO SUCKS!

Миша Умарев

18+

Миша Шумарев

Disco Sucks

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57427586

SelfPub; 2020

Аннотация

Один вечер из жизни молодого человека, который уже успел запутаться и потерять свои ориентиры. Одиночество, бессонница и отчаяние как издержки жизни в большом городе и работы в креативной сфере. Отправившись в магазин винила за очередной пластинкой, по пути он решает заскочить в любимую пиццерию, где абсурдная идея, внезапно возникшая в его голове, меняет планы, но дает надежду на спасение.

«Диско музыка – это работа сатаны. Она была придумана, чтобы развращать, лишать покоя и забирать душу.»

Я всегда был уверен, что человек не такой уж и особенный. То есть, нет.. Он особенный: из всех живых существ он явно выделяется. Но я никогда не верил в магическое происхождение людей. В бога, в небеса, в Адама и Еву. Я всегда думал, что это красивые сказки. У меня было много вопросов и я хотел копать глубоко. В детстве меня поглотил научпоп. Книжки по биологии и физиологии были мне ветхим и новым заветами. Я восхищался природой и тем, как ловко в ней все устроено. Но сколько бы книг про мозг я не прочитал, ни одна из них не давала мне самого нужного ответа. Почему человек такой. Да, мы – социальные животные, машины, которые живут с помощью инстинктов. Внутри нас двигатель, который сжигает разные химические вещества, чтобы заставить нас что-нибудь чувствовать. Но я чувствую, что со мной, и со всеми вокруг что-то не так. Что-то случилось с человеком. Когда-то давно, на заре мира, он испытал таинственный опыт, который повел его по совершенно невероятному пути. И я чувствую, что и я продолжаю по нему идти. Когда я читал свои книжки, будучи подростком, я был счастлив и мне казалось, что я понимаю этот мир и его законы. Когда я стал взрослым, эти же знания лишили меня покоя. Что толку от природы и ее гениального устройства, если я чувствую себя самым одиноким и самым несчастным.

Это тоже часть ее системы? Гениальное изобретение? Или это то место, в котором что-то пошло не так. Это дар или проклятие? Куда ведет меня это чувство? Может быть природа хочет, чтобы я выбросил из головы микробиологию и схватился за библию? От моего максимализма не осталось и следа. Я был жизнерадостным, познавшим все тайны природы, я стал робко крадущимся в темноте навстречу пугающей неизвестности. Я стал внимательнее смотреть на простые вещи. Смотрел в чьи-нибудь глаза и не думал о том, как свет попадает на сетчатку в виде плоского изображения и уже в голове приобретает объем, за счет информации, поступающей с других органов чувств. Я смотрел на поцелуй и не давал ему никакого физиологического обоснования. Я смотрел на поцелуй как на древний, магический ритуал. Может быть это единственное, что отличает человека от всех других существ? И даже не сам поцелуй, а его изящное исполнение и то, что этот поцелуй говорит. Как произведение искусства, которое не нуждается в объяснении и представлении, оно просто есть. Как картина, как прекрасная скульптура, как энергия, которая может облачаться в разные формы.

Есть одна пиццерия в городе, там работают очень красивые официанты. Все как на подбор, харизматичные, яркие, эффектные. И парни и девушки. Они все очень стильно одеваются и каждый раз когда я туда прихожу, я чувствую себя зрителем на модном показе. Однако, в свободное от съемок кампейнов время они могут спуститься с небес и принести

мне пищу. Одна из официанток совершенно точно работает моделью. Я знаю это потому что она снималась для нашего бренда. Так я и узнал про нее, она смотрела на меня с монитора рабочего компьютера много-много раз, когда я обрабатывал фотографии. Из-за этого, кстати, я испытывал легкое чувство ничтожности. От того что я ее знаю, а она меня нет. Но все-таки мне удалось себя убедить, что это абсолютно нормально. Это моя работа, я обрабатывал фотографии многих красивых девушек и многих из них я запомнил, потому что у меня хорошая память на лица. Я художник и это мой профессиональный навык. Как говорил Энди Уорхолл «быть художником – это работа». Художник должен в год нарисовать столько-то картин, выполнить план. Я согласен, это действительно работа. Даже если ты художник в отделе маркетинга. Все равно приятно чувствовать себя профессионалом. Ты много работал и у тебя не отнять твой навык, он придает уверенности. Поэтому когда я захожу в пиццерию и вижу ее, и она подходит ко мне, чтобы спросить на счет брони столика, я не подаю виду.

Все же она невероятная – привлекательная высокая брюнетка, с выразительными, но мягкими чертами лица, по которым тяжело сделать какой-либо вывод о ее национальности. Кажется, что ее ногам нет конца – ты не можешь провести взглядом так, чтобы охватить их во всю длину, а волосы у нее такие густые, что ты физически ощущаешь их тяжесть на себе когда просто смотришь. От нее исходит какая-то по-

тусторонняя энергия, она чувствуется сразу, как только ты оказываешься рядом. Когда она двигается, ее длинные ноги, ее худые руки, их движения – они одновременно и резкие, и мягкие и размеренные. Целеустремленное, резкое перемещение достигается мягкими и плавными движениями. Высокая и стройная, она как будто чувствует на себе вес потолка и боится неаккуратным движением снести пару стен. Это придает ее манере слегка неуклюжий вид.

Это был вечер после долгого знойного дня в июле и за эти последние дни жары мой сон окончательно где-то потерялся и перестал приходить по ночам. Я решил, что сегодня я даже не буду пытаться уснуть. Решение это было совсем не практичным. Поскольку, занять это время чем-то полезным я все равно не мог, так же оно не было хоть сколько нибудь духоподъемным. Вера в то, что ночь будет незабываемой и полной неожиданных приключений умерла много лет назад, еще в студенческие годы. Сейчас максимум на что я рассчитывал, это на помутненный рассудок на следующий день после ночи без сна, который чем-то напоминал мне опьянение какими-нибудь веществами, которые я никогда не пробовал, но мне казалось, что именно так ощущается их эффект. Лето и город, чудесный город, прекрасные люди вокруг, и даже интересная работа, не могли заставить меня порадоваться хоть чуть-чуть. Все мои мысли были устремлены в прошлое, приукрашенное временем, а настоящее казалось мне пыткой. Все вокруг, весь мир, состоял из миллиона малень-

ких очагов ада и каждый из них зудел и мешал мне жить. В будущее я не верил, потому что казалось, что я не смогу преодолеть весь этот кошмар вокруг, что вот-вот один за другим, маленький горящий ад начнет разрастаться, становиться активнее и уже не просто маячить своими языками перед глазами, а перекидывать на меня свое пламя. На мою куртку, на мои волосы. Или что станет так жарко, что я просто сдамся: упаду на пол и скажу, что все, не могу больше и не хочу. Хотя что-то мне подсказывает, что в настоящем аду холодно, а не жарко.

Около восьми вечера откуда то взялось немного прохлады. Мне принесли холодный сидр, а из открытых оконных проемов пиццерии слегка подул ветерок. Я сидел за стойкой, которая была направлена в открытое окно, так что я практически сидел на улице и мог наблюдать за происходящем во дворе. Та официантка, которая.. да вообще то я знаю как ее зовут – ее зовут Ада. Этот факт я пытался скрыть и запрятал куда-то далеко, что аж сам забыл. Однажды, я в этой же пиццерии встретился с подругой, которая работает у нас фотографом, и в обязанности которой входит поиск моделей для съемки. Не знаю, дружили ли они раньше или она приглянулась ей в этой пиццерии за обедом, но так Ада попала в ее объектив, а там и в мой монитор. Ада вышла во двор покурить. Запрыгнула на бочку, достала самокрутку, и казалось, что сейчас из ниоткуда появится тысяча рук с зажженными зажигалками к ее услугам. Она была очень красива.

Наверное, для меня она была самой красивой девушкой, кого я мог бы вспомнить, за последнее время. Интересно, как-то ей работать здесь, будучи такой привлекательной. Наверное она воспринимает свою внешность как тяжкое бремя. Может быть грустит, что люди обращают внимание на ее внешность и меньше думают или переживают о ее качествах или даже недооценивают какие-нибудь ее способности. И я подумал, что это ужасно. Я в какой-то степени почувствовал себя вне ее чар, способным заглянуть куда-то глубже. Мне захотелось с ней поговорить, чтобы голос мой не звучал так, будто я ей очарован. Хотелось побыть с ней на равных, без форы, которую она могла бы мне давать. Представляю сколько в этой пиццерии было героев мечтающих познакомиться с ней. Или может быть не было ни одного? Что если она настолько привлекательна, что даже самый смелый и самоуверенный болван боялся бы к ней подойти. Я помню, подруга-фотограф рассказывала историю, когда Ада шла по залу пиццерии и какой-то мужчина сунул ей в руку крупную купюру со словами «держи красотка». Она взяла деньги, смахнула прядь волос с лица, сказала «спасибо» и пошла дальше. Деньги никогда не помешают. На них совершенно точно нельзя купить себе хоть немного счастья, но можно немного облегчить жизнь. Сделать ее менее невыносимой. Я помню, я отмечал день рождения в этой пиццерии. Ко мне пришло много классных друзей и было так много разговоров которые я люблю, но я был сам не свой. Этот вечер останется в памя-

ти как один из самых мрачных. Я сидел за столом с близкими людьми, но единственное, о чем я переживал это хватит ли мне денег чтобы оплатить этот счет, или мне придется просить друзей чтобы они заплатили за какие-нибудь свои заказы. Деньги могут сделать жизнь менее невыносимой. Кстати, в тот вечер работала Ада. Надеюсь мы оставили достойный чай. Помню как, кто-то из моих друзей спросил ее когда будет готов заказ, а она будучи в жуткой запаре, убегая к другому столику на ходу крикнула «пять минут!» и сопроводила это жестом руки, но с тремя отогнутыми пальцами.

После пиццерии я хотел зайти в виниловый магазин, купить несколько новых пластинок, чтобы слушать их всю ночь и не спать. Но вдруг от этой мысли мне стало как-то грустно. Я представил себя ночью, ближе к утру одного в своей комнате. Совсем одного. И комната как целый мир, в котором ты один. И когда это чувство приходит, а оно обязательно придет, ты не сможешь делать ничего, кроме как в полнейшем оцепенении ждать, когда наступит утро и все проснется. Ты все еще будешь одиноким, но шум вокруг сделает все немного легче. А пластинки. Я люблю пластинки и люблю их покупать. Когда я покупаю очередную пластинку, я чувствую себя богачом. Они стоят не очень дорого, но сам факт, что ты можешь потратить деньги на диск с музыкой и даже получить немного удовольствия. Потрогать коробку, развернуть вкладыш. Нести пластинку домой, предвкушая первое прослушивание. Это незабываемо. Но потом все проходит. И

тебе нужны новые пластинки. Это как наркотики. Поэтому, я чувствую себя богачом. Потому что покупаю наркотики. Опять же, деньги делают жизнь немного лучше. Ненадолго и ненадолго, но лучше. Если задуматься, я ведь правда покупаю себе немного счастья. Вот бы можно было бы купить себе счастья побольше. Если бы так можно было, я бы даже заработал побольше денег. А если бы можно было купить себе что-то чтобы не чувствовать себя одиноким? Никогда не чувствовать себя одиноким. Почему нельзя купить человека, который был бы рядом?

Я попросил счет и пока Ада отходила к терминалу, печатала чек и шла обратно к моей стойке меня посетила идея. Я подождал пока она уйдет и убедился, что она не смотрит. Достал из кармана все бумажные купюры, которые у меня были и положил в их в кружку для денег. «Держи красотка» – подумал я и пошел к выходу.

– «Эй, мистер, мистер!»

Я обернулся. Это Ада выбежала из кафе чтобы догнать меня.

– Зачем ты оставил столько денег? Ты не похож на богача

– Да, я совсем не богач, но я могу объяснить..

Я пытался разговаривать с ней так, будто мы на равных, не знаю, на сколько получалось.

– Я сидел и размышлял о том, что за деньги нельзя купить почти ничего стоящего, и ничего радостного, и деньги не сделают тебя менее одиноким. Нет, я не против денег,

деньги очень нужны, они могут сделать жизнь менее невыносимой, но... Я все равно собирался пойти в магазин и купить на эти деньги пластинки, которых у меня итак много и каждая из них радует меня не больше нескольких минут.

– То есть, прости конечно, но ты как будто пластинка, которую я купил. То есть, я не покупал тебя, это метафор...

– Боже, ты идиот

– Да, прости, я наверное сделал глупость. Но я не хотел ничего плохого этим сказать. Это просто мое воображение.

– Значит ты любитель пластинок?

– Я любитель музыки.. Пластинок.. Да, верно

Я все ждал когда она скажет «возьми свои деньги и проваливай», но она почему-то стояла и как будто ждала какого-то знака. Я тоже замолчал и задумался, как вдруг, очередная гениальная идея пришла, нет, не пришла она просто прилетела откуда-то из космоса и не задерживаясь в моей голове ни на секунду сразу же вылетела из моего рта:

– Хочешь погулять?

– Да.. – с улыбкой сказала она и пошла обратно в пиццерию – Подожди пять минут.

– Хорошо! – крикнул я, представив руку с тремя отогнутыми пальцами.

II

В начале 70-х диско было в андеграунде – это были закрытые клубы в Нью-Йорке и их посетителями почти всегда

были чернокожие и чаще всего они были геями. Все изменилось, когда в 77 году на экраны вышел фильм «Лихорадка субботним вечером». Кто-то разглядел коммерческий потенциал в культуре диско и чтобы выкачать из нее как можно больше денег решил, что нужно добавить чего-то белого и гетеросексуального. Так протагонистом стал Джон Траволта, а саундтреки записали австралийцы Ве Геес. Популярность диско росла стихийно, как и ненависть. Фанаты рок музыки видели в диско культуре причину разрушения всех устоев и ценностей. Страсти нарастали и когда начали происходить первые громкие смерти от СПИДа все вокруг вспомнили, что вообще-то диско – музыка чернокожих геев. Буквально, началась травля. Однажды на футбольном матче радикальные противники диско организовали акцию, суть которой заключалась в том, что в перерыве между двумя играми, прямо посреди футбольного поля они взорвут огромный ящик с пластинками в стиле диско. Очень много людей на трибунах, в футболках и с плакатами с надписями Disco Sucks скандировали эту фразу. Многие в тот вечер пришли посмотреть на взрыв пластинок, а не на футбольный матч. Кстати, взрыв повредил футбольное поле и матч так и не состоялся. А разъяренная толпа выбежала на поле, у многих с собой были пластинки, которые они скидывали в кучу, поджигали и топтали. Свидетели тех событий говорят, что в огонь бросали не обязательно диско. Люди просто приносили пластинки с любой «черной» музыкой. Это был крупнейший акт расизма и

гомофобии.

– Как интересно, а я всегда думала, что диско это Абба.

– Абба – это совершенно замечательная группа, но это уже некая шведская поп-интерпретация. Тем не менее, очень хорошая. Я обожаю Аббу. Когда я был маленьким, у моих родителей было два десятка компактв. Среди них моим самым любимым был The Album Аббы, я слушал его часами напролет и знал все слова наизусть.

– Забавно!

– Да, причем, мне было пять лет и, само собой, когда я пел их песни, это с трудом походило на английский, но мама даже отвела меня к учительнице в школу, чтобы та меня послушала.

– Хаха, и как прошло?

– С трудом помню, но могу только заново сочинить эту историю. Представь: школьный кабинет, учительница в очках и пятилетний мальчик, который поет: тэйк э ченс он мии, хани айм стил фрии.

– Слушай, а где тот магазин, в котором ты хотел купить пластинки?

– Он примерно в двух кварталах по той улице. Но он закрывается через 15 минут.

– Побежали!

Она схватила меня за руку, а я едва успел схватить пакет с ее вещами, который я вызвался потаскать пока мы гуляем. Мы бежали по довольно людной улочке, иногда уво-

рачиваясь от прохожих, иногда разрывая руки перед столбом. Было около девяти вечера, но было еще очень светло и солнце не подавало признаков заката, скорее было чуть тусклее дневного. Немного отдышавшись возле входа, мы спустились в цокольное помещение магазина пластинок. Уже заскучавший продавец оживился, но нехотя, давая понять, что мы не к стати.

– Привет, мы закрываемся через 10 минут.

– Да, мистер, мы в курсе – сказала Ада с той же интонацией, которой она встречает гостей в пиццерии.

Пока Ада оглядывала магазин я пошел в дальний зал, чтобы посмотреть новые поступления в коробках с соулом, хотел узнать не появилось ли чего-нибудь с мотауна. Когда начинаешь перебирать диски, теряешь ощущение времени и когда я очнулся, было уже без двух минут девять. Я поспешил в первый зал, но вдруг услышал, что продавец о чем-то говорит с Адой и решил послушать из-за угла:

– Выбирай любую пластинку за мой счет! Что тебе нравится? Смотри есть техно, или может быть Эд Ширан? Давай сходим куда-нибудь? Тут через дорогу бар неплохой, хочешь?

– Прости, я сегодня не в настроении.

– Да пойдём! Настроение придет в процессе, а брата домой отправишь..

– Нет, не получится..

– Может завтра? Ну хотя бы номер оставь.

– Записывай – раздраженно сказала Ада. Продавец начал хлопать руками по карманам

– Черт телефон на складе забыл – он убежал к кассе, взял со стола пачку стикеров и маркер – вот напиши здесь.

– Я вышел из-за угла, Ада дописала свой номер на бумажке и ехидно улыбнулась как бы «за спиной» у продавца. Он взял пачку стикеров с номером и ушел в подсобку.

Я подошел к Аде. Она стояла как раз возле коробки с диском

– Смотри – я выдвинул коробку.

Она открыла маркер и подписала SUCKS рядом со словом DISCO

За нашими спинами хлопнула дверь, продавец вернулся в зал. Мы резко развернулись, стараясь прикрыть наше хулиганство, но, кажется, он не заметил

– Выберешь пластинку? – спросила меня Ада

Я развернулся к коробке с диском и достал оттуда тот самый Abba – The Album.

– Отличный выбор – сказала Ада и понесла пластинку на кассу со словами «Я выбираю эту»

III

Мы вышли из магазина и начали неспешно прогуливаться без явного направления и цели. Сворачивали на безлюдные переулки, шли по набережным у воды и огибали парки. Одну за другой я рассказывал свои музыкально-энциклопедические

дические истории и каждую из них она слушала с невиданной увлеченностью. Я всячески пытался проверить, действительно ли ей интересно или она просто делает вид из вежливости. Я перескакивал с темы на тему, а потом спрашивал, на чем мы остановились и она всегда четко и точно восстанавливала цепочку слово в слово. Я задавал ей много вопросов, чтобы побольше про нее узнать, но она прямо говорила, что не хочет рассказывать и просила лучше рассказать что-нибудь про музыку.

Неожиданно для меня мы вдруг оказались на главном проспекте одного из островов. Солнце уже спряталось за домами и начинало багреть. Мы проходили мимо старой кирпичи, которую я любил разглядывать, пока ехал на трамвае на работу. Я был научен до автоматизма: после определенного поворота трамвая отрывать взгляд от чтения, чтобы еще раз рассмотреть кирпичу, узнать как она выглядит именно в такую погоду и попытаться понять, что я при этом чувствую. Больше всего она впечатляла меня именно в дождь. Ее суровая готическая архитектура наилучшим образом сочеталась с пасмурным, низким, свинцовым небом. Когда мы поравнялись с входной дверью из кирпичи вышел мужчина и распахнув дверь до упора, стал держать ее, для нескольких пожилых женщин, которые неспешно выходили на улицу. Мы остановились и в эту паузу в проем двери смогли увидеть весь зал. Внутри играли органнй концерт и мы отчетливо слышали музыку. Она была спокойной и гармоничной. Разглядывая

фрески и слушая мелодию, которую играли на органе, у меня в голове возникли образы ангелов. Дверь закрылась и заглушила музыку. Я посмотрел на Аду, она замерла уставившись на закрытую дверь, а по ее щекам катились слезы.

IV

– Я просто вспомнила про свою семью

– С ними что-то случилось?

– Нет, просто они выгнали меня

– Боже, за что?

– Я так же сказала тогда! – Да, нет.. Я шучу. Никто меня не выгонял, мы просто поссорились и я уехала. Им не нравилось как я себя веду и если бы я не уехала мы бы продолжали ссориться каждый день. Я просто устала и решила попробовать начать все сначала в каком-нибудь совершенно другом месте. И вот я здесь – последнюю фразу она сопровождала ироничной улыбкой и разведенными руками.

Мы сидели за столиком в кафе, в которое меня привела Ада. Это было очень странное место, я никогда не видел ничего подобного. Оно было настолько стильным, что это было даже жутковато. У него не было вывески и названия, видимо, оно было только для своих. Внутри мы попали через цветочный магазин. Хостес увидев Аду, проводила нас к нашему столику без разговоров. Помещение чем-то напоминало заброшенную церковь. В том месте, где в церкви был бы алтарь, была кухня, отгороженная от зала ярко-алой полупро-

зрачной ширмой через которую было видно силуэты поваров. Когда официанты заходили за эту ширму чтобы забрать заказ их силуэт резко увеличивался, наверное, за счет угла падения света или какого-то другого преломления, но зайдя за ширму они как будто вырастали и превращались в мифических существ наподобие атлантов.

К нам подошла официантка, Ада заказала себе рис с креветками и коктейль с джином. Я долго разглядывал меню, но не мог ничего выбрать, потому что в нем не было цен. Я даже начал немного нервничать, но Ада заметив, что я в смятении, не задумываясь сказала – Заказывай все что хочешь, я угощаю. Я сказал, что мне тоже самое и спросил где здесь туалет. Официантка проводила меня к двери на которой не было таблички.

За дверью меня ждал темный коридор. Там дул ветер и было так шумно как будто я иду вдоль скоростного шоссе. Вдруг мне показалось, что я уже вовсе не иду, а еду вперед, как на мотобайке. Фары тщетно пытаются пробить темноту, в которую я несусь и ничего не слышу из-за рева двигателя. Одно неаккуратное движение, ямка или камушек на дороге, и от меня ничего не останется. Что если дорога резко повернет, я даже не успею ничего сделать – мне стало страшно. В тот же момент, я почувствовал, что меня кто-то обнимает сзади. Это была Ада. Теперь мы как будто ехали вдвоем. Я держал руль вглядываясь в темноту, а она держала меня. Страх развеялся. Конечно, все это мне почудилось, но чув-

ства, которые я при этом испытал были самыми настоящими.

Я вернулся в зал. Мы выпили по коктейлю и заказали еще по одному. Мы долго разговаривали о нашем новом городе, я рассказал ей что тоже недавно приехал сюда, чтобы попробовать все начать сначала. Рассказал ей что карьера и прочие вещи складываются прекрасно, но что при этом я здесь чувствую себя очень одиноко.

– У меня много друзей, но знаешь. Есть какая-то невидимая стена между нами. Между мной и всеми вокруг. Мы можем проводить время вместе, можем веселиться на настает момент, когда им нужно будет уходить «за свою стенку» и я снова останусь один. Я думаю, что дело не в людях, а в том что внутри меня что-то сломалось. Наверное, я слишком много думаю.

– Кстати, как ты думаешь, почему люди такие?

– Какие такие?

– Ну, почему человек стал человеком? Почему животные не летают на самолетах и не носят одежду. Не занимаются фотографией и не пишут музыку. Почему эволюция не сработала для всех одинаково? Нас кто-то одарил? Или наоборот, тем самым проклял?

– Люди разозлили Бога – сказала официантка, которая подошла забрать посуду. Я слегка подскочил на стуле от неожиданности. Она продолжила – И он обрек их на вечные страдания при жизни. Но некоторые достойны прощения – она приблизилась ко мне, посмотрела на Аду, посмотрела на ме-

ня и очень тихо сказала – Если ты достоин прощения.. Ты поймешь это по поцелую.

– Какому поцелую?

– Хватит нести чушь – возмутилась Ада

Официантка забрала тарелки, отойдя на пару метров обернулась и посмотрела на нас со смешливой улыбкой и исчезла за ширмой.

– Это как поцелуй Иуды? – спросил я

– Это как бредни сумасшедшей, хаха

– И все таки, если ответить на мой вопрос, что ты думаешь?

Ада задумалась на пару секунд, потом допила свой коктейль и сказала:

– Ну все, пойдем уже.

Я подумал, что я утомил ее своими глупыми вопросами и, наверное, она уже собирается домой. Я не хотел, чтобы она уходила. Этим вечером я впервые за долгое время не чувствовал внутри себя эту ужасную пустоту. Языки пламени вокруг меня успокоились и тихо тлели по углам. Однако я не хотел ей докучать и был благодарен за этот вечер, даже если бы она прямо сейчас сказала, что ей пора.

Мы пошли вдоль пешеходной улицы в центре и дойдя до перекрестка остановились. На уличных часах было 22:50.

– Я хочу послушать пластинку. Ты далеко живешь?

Мы шли по мосту в сторону моего дома. От хода трамвая он качался. Многотонный, старый разводной мост, качался будто его сделали из картона. Под нашими ногами проходили корабли, над нашими головами развевались флаги, где-то слева гигантским ярким пятном догорал закат.

– Ну вот, здесь я живу – я взял конверт с диском и показал Аде – включаю?

Я снял крышку с проигрывателя, повертел пластинку в поисках стороны А, поставил иглу на начало. По комнате мягко и тепло разбежались звуки. Ада начала покачиваться пытаясь поймать ритм. Потом пританцовывая она подошла ко мне и за руку потянула меня танцевать. Мы протанцевали сторону А. В возникшую паузу я в шутку сказал, что сейчас бы очень не помешал диско шар, ну так, для атмосферы.

– Черт! А где мой пакет? – вскрикнула Ада

– Он на кресле в коридоре, что случилось?!

– Вот это совпадения, как же я могла забыть! – Она убежала в коридор и вернулась с пакетом. – Я сегодня утром была на съемке и смотри, что у меня есть!

Она достала из пакета платье, сшитое из маленьких блестящих прямоугольников

– Я могу быть вместо диско шара!

Я хотел предложить ей сходить в ванную чтобы переодеться, но не успел. Она расстегнула пуговицу и широкие расклешенные джинсы свалились с ее стройных ног на пол. Руки скрестились и ухватив за низ кофты, потянули ее вверх.

Я даже не успел закрыть глаза или отвернуться, но я и не чувствовал, что мой взгляд на ее обнаженном теле может быть чем-то оскорбительным.

Вызволив лицо из горлышка кофты, она посмотрела на меня и улыбнулась – Ты хотел перевернуть пластинку?

Под вторую сторону Ада уже крутилась в своем блестящем платье.

– Тебе тоже нужно что-то блестящее, сейчас я привлекаю слишком много внимания на себя. – она снова залезла в пакет и достала оттуда коробку – Подойди сюда!

Это была коробочка с глиттером. Она встала напротив и выдавила себе на палец содержимое тюбика.

– Так, закрой глаза. Не хочу чтобы тебе туда попал клей. – я закрыл.

Она приклеивала блестки мне на верхнее веко правого глаза, потом левого. Потом она остановилась. Я не открывал глаза.

– Уже можно открыть?

Она не отвечала.

Я почувствовал, что ее лицо находится очень близко к моему. Я подождал еще две или три секунды. Я задержал дыхание. Ее нос слегка задел мой нос, я почувствовал как учащается пульс. Потом ее теплые губы прикоснулись к моим, меня окатило мурашками. Я коснулся ее головы рукой, чтобы убедиться, что все это происходит по-настоящему. Что мы стоим прижавшись друг к другу губами и что когда заканчи-

вається воздух она отпускает меня на секунду, но потом жадно впивается обратно в мои губы. Я так и не открыл глаза.

VI

Я проснулся в 10 утра. На проигрывателе крутилась пластинка, игла беспомощно билась о край бумажной наклейки. Я подумал о произошедшем как о странноватом сне и спешно начал собираться на работу. Я кинул ноутбук в сумку. В ванной было занято и я попросил, чтобы мне протянули щетку и пасту через щелку в двери. Почистил зубы на кухне и выбежал из квартиры. Я сел в свой трамвай, на свое привычное место и достал книгу. Я начал читать, но текст улетал из головы раньше, чем до меня доходил смысл прочитанного. Я закрыл книгу и огляделся по сторонам. Напротив сидела девушка. Она смотрела на меня и улыбалась.

– Привет.

– Привет.

– Меня зовут Маша – она протянула руку – мне нравятся твои блески!

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.